

ДЕНИС ГУЦКО

ДОМИК В АРМАГЕДДОНЕ

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ «РУССКИЙ БУКЕР»

Денис Николаевич Гуцко

Домик в Армагеддоне

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180110

Домик в Армагеддоне: АСТ, Астрель; М.; 2009

ISBN 978-5-17-057405-6, 978-5-271-22754-7

Аннотация

«Домик в Армагеддоне» – роман о молодых людях, которым не чужды идеалы: реальные или придуманные – неважно. Им трудно – порой невозможно – приспособиться, вести двойной счет, жить «по понятиям», а не по правде...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Денис Гуцко

Домик в Армагеддоне

Глава 1

Отец Михаил велел им садиться и, уронив мрачный взгляд в пол, медленно прошёл через класс. Будто раздумывая, куда шагнуть дальше, бочком встал у крайнего окна.

За окнами как в духовом шкафу.

Политая золотистым солнечным сиропом, жарилась зелень газонов и аллей. Новенькие крикливые воробьи, не находя в себе сил задержаться на одном месте дольше чем на секунду, суетливо обживали южное лето. Над мачтой «крокодила» трепетало дремотное марево, дурманя и убаюкивая. Двое дневальных скребли граблями лужайку, собирали нарубленную газонокосилкой траву. Трава нарублена мелко, и движения дневальных мелкие, дёрганные – вычёсывают огромную изумрудную шкуру, разложенную на просушку. Тихомиров любит, чтобы лужайка перед штабом была «как моя стрижка, идеальным ёжиком».

Если б можно было сейчас позволить этим мелким мыслям плыть, как плывут соринки в дождевом ручье. И глазеть в окно. Как в детстве, когда баба Настя устраивала его рядом с собой на балконе и они сидели так долго, долго. Скорей

бы уже.

За тот месяц, что они здесь, многое изменилось. Тихий праздник, в котором Фима пребывал первую половину сборов, оборвался.

Так же, как прилегающий к лагерю парк лишился весенней прозрачности – в нём наглухо задёрнули плотные зелёные шторы, – мир перестал быть понятным.

Отец Михаил с хрустом почесал в бороде и тихонько вздохнул.

Обычно собранного, несколько театрального в жестах священника Фима впервые видел растерянным.

Что же он? Неужели не поддержит?

Когда Фима был ребёнком, на свете существовал единственный священник, отец Феофан, настоятель Любояреченского Свято-Георгиевского храма, куда водила Фиму баба Настя. Отец Феофан читал на языке Бога из Псалтыри, кропил Фиму святой водой и клал ему в рот просфору на причастии – и был существом потусторонним, выходящим из запретного пространства, куда вела узкая дверца за плечом архангела. Иногда, утомившись службой, Фима терял связь с происходящим вокруг, и тогда отец Феофан, появлявшийся и исчезающий в просвете чужих спин, со своим наплывающим и удаляющимся басом легко превращался в океан: накроет – и уходит, и снова накроет. А потом однажды, на очередном причастии, он вдруг наклонился и сказал, подмигнув: «Не выспался, малец?» И это стало для ше-

стилетного Фимы настоящим потрясением: священник, оказывается, может говорить обычные человеческие слова, обращаться к тебе лично – да ещё и подмигнуть при этом.

Фима много бы сейчас отдал за такое потрясение – за новый выстрел колокола в сердце. Но чувствовал: не будет ничего, не поддержит их отец Михаил.

Вздохнув ещё раз, отец Михаил качнул головой.

Тишина ревела. Ни воробыный гомон, ни голоса дневальных, ни урчание двигателей, долетающее с трассы, не в силах были перекрыть эту тишину.

– Лето в этом году жаркое, – будто подумав вслух, проговорил отец Михаил и, перебивая самого себя: – Да-а-а, ребята, такая вот история.

Кажется, провал.

Теперь окончательно: пятеро, вставшие на защиту Иоанна Воина, – ослушники и смутьяны. И паршивые овцы в Стяге. Стало до слёз сиротливо.

Лишь бы ребята не скисли.

Ещё в июле, когда казалось, что Бессмертный, здешний губернатор, может передумать и отказать казиношникам в переносе часовни, Фима спросил батюшку, почему, собственно, Владычному Стягу не поручат вмешаться. Для этого ведь и создавался Владычный Стяг – в защиту православия. Все знают, что под казино им отведено совсем другое место. Там просто строить дорого, вот они и лезут.

Отец Михаил в ответ лишь улыбнулся грустно, погрозил

неопределённо пальцем и вышел из класса.

А Фима сказал стяжникам:

– Сколько можно раскачиваться? Хватит. Мы сами должны начать действовать.

Поставленный перед свершившимся фактом, отец Михаил встанет на их сторону – доказывал Фима. Одобрение епархии объяснялось просто: его высокопреосвященство сейчас нездоров, месяца не прошло после больницы. Этим и воспользовались казиношники и Бессмертный. Может, и до митрополита не дошли вовсе: то-сё, пустяшный вопрос, не будем беспокоить. Был бы митрополит в добром здравии – ни за что бы не позволил.

– Что мы отсиживаемся? Может, от нас только того и ждут, чтобы мы выступили.

С ним пошли только четверо. Остальные без благословения духовника отказались участвовать. И вроде бы формально были правы, но Фиму одолевала лютая досада на соратников: «Шагу сами не ступят».

Если бы отец Михаил был во вторник в Стяге, они, конечно же, испросили бы его благословения. Но отец Михаил уезжал на конференцию в Тулу и вернулся только сегодня утром. А демонтаж Иоанна назначили на среду.

Тихомиров как раз накануне проведаль, что готовится самовольство. Не знал только, кто именно готовит и когда. А то, конечно, упёк бы в тёмную. Странно... почему не донесли поимённо? Ведь кто-то ему начирикал.

Всё, что придумал Тихомиров, – покричал немножко перед строем, заклеил безымянных для него дурных заговорщиков, напомнил в сотый раз, что перенос Иоанна Воина согласован с епархией. Полковничьим своим голосом, натренированным накрывать плац, приказал не путать божий дар с яичницей.

Что ж, Тихомиров – всего лишь Тихомиров.

Для стяжников он – «врио», «временно исполняющий», и все его громы-молнии – досадное природное явление. Вот когда передадут Стяг, как было намечено, под начало духовенства – тогда будет у них настоящий руководитель. Тихомирова не любили. Особенно после генеральной уборки на Троицу. Они вернулись тогда с праздничной службы в поселковом храме, а Тихий заставил их вылизывать всё расположение: насыпанную в дверях траву сквозняком разметало по всем углам.

Отец Михаил по-прежнему стоял спиной. Чёрная эта спина – будто захлопнутая дверь. Почему он вдруг – чужой? Как очутился не с той стороны? С Тихомировым, с казиношниками, в мёртвом пространстве бесконечных компромиссов, оговорок, многословного бездействия...

– Не вняли вы увещаниям Прохора Львовича, ребятки, не вняли, – не оборачиваясь, начал отец Михаил. – Я, признаться, сейчас в страшном смятении. Будто это я нашкодил. У Владычного Стяга огромные неприятности, дорогие мои. Обернулся и, поддёргнув подол, присел на краешек под-

оконника. Фима тщетно старался перехватить его взгляд. Батюшка отлично знает, кто зачинщик.

– Дошло, – отец Михаил повёл бородкой, – на самый верх. Губернатор лично доложил. Можете себе представить, как всё было подано.

Стяг заволновался. По комнате пронёсся гул.

– Как мне сказали, на днях будет решаться судьба Владычного Стыга. Есть опасность, что Стыг закроют.

Тишина треснула.

– Допрыгались! – кто-то крикнул.

– Говорили тебе, Фима: навредишь, навредишь, – перегнувшись в проход между парт, прошипел Вова Струков и раздражённо, резко выпрямился.

– За что же Стыг закрывать? Виновных долой! Кто это? В спину. Веремеев? Сушков?

Всё такой же пасмурный, отец Михаил подошёл к своему столу.

Димка, Женя, два Юры – Дёмин и Чичибабин – обернулись, молча смотрели на Фиму со своих мест. Условились, что говорить за всех будет он. Фима кивнул им – мол, всё скажу, пусть только гвалт утихнет.

«Ратники, мужчины, – нежно думал Фима, глядя, как они поворачиваются к нему стриженными затылками. – Эти не скиснут».

С ними всё прошло как по маслу. Пока Дима и Юра Чичи-

бабин держали хмельного сторожа, Юрка Дёмин и Женя Супрунов обежали часовню, чтобы проверить, нет ли кого возле, не попадётся ли под гусеницы. Посигналили ему фонариками: чисто. И Фима вывел дожидавшийся своего часа бульдозер, который строители подогнали для демонтажа, через хлипкое дощатое ограждение в поле. Управлять бульдозером оказалось несложно. Сдаёшь назад – поднимаешь коротеньким рычажком ковш. Сменил место – ковш опустил, погнал вперёд сыпучую волну. За какой-нибудь час перед часовней широкой дугой вырос земляной вал. Через балку машины и так не пройдут, а со стороны дороги часовня огорожена теперь метровым валом. Чтобы подогнать технику, строителям придётся всё это разровнять. Разровняют, конечно. Но что хотели, «дурные заговорщики» сделали: теперь-то губернская камарилья поймёт, что нельзя вот так, по барской своей прихоти, часовни двигать.

Под конец сторож, с которого взяли слово не делать глупостей и позволили выйти из бытовки, бродил вдоль свежих борозд, бубнил:

– Правильно, ребятки, пр-равильно! Так их, нехристей, так их разэдак, прости-господи-что-скажешь!

Написали баллончиками на кабинке бульдозера: «Армагеддон! Не отсидишься» – и ушли, оставив старика, напряжённо перечитывающего непонятную ему фразу.

Оглядев взволнованный Стяг, Фима поднял руку.

Но отец Михаил будто не замечал ни его поднятой руки,

ни набухающей заново тишины. Возился на столе. Выровнял стопку лежащих на углу тетрадей, переложил сноп собранных в воскресенье дубочков.

– Честной отец, позвольте.

– Тебе, Фима, лучше бы сейчас помолчать, – мягко, но категорично перебил его отец Михаил. – Уж поверь моему слову, не делай себе хуже.

– Позвольте.

Фима поднялся с места, ступил в проход между парт.

Отец Михаил показал рукой: что ж, говори. И как-то по-мужицки, враскорячку, уселся на свой скрипучий стул с высокой спинкой.

Обычно тот, кто хотел высказаться перед Стягом, становился к нему лицом. Но отец Михаил не вызвал, и Фима остался на своём месте.

– Батюшка, мы совершили проступок, – начал Фима. – Выступили без благословения. Я виноват. Убеждал всех, что вы нас поддержите. Но, владыко, что нам было делать? Смотреть, как часовню по бревну разберут и увезут с глаз долой? Нас ведь учили: Святой Воин впереди вас. А тут! У нас под носом, – Фима начал сбиваться: хотелось выплеснуть всё сразу, пока не остановили. – Разберут и поставят за оврагом, там через поле как раз свалка, – Фима почувствовал жар, кровь зажурчала в висках. – Мы справимся, благословите нас.

– Ах ты! Не стану даже слушать, – дрогнувшим от гнева

голосом сказал отец Михаил. – И как только додумался?!

Будто оценивая, понимает ли Фима, о чём идёт речь, отец Михаил всмотрелся в его лицо.

– Возглавить мне предлагаешь?! – и отвернулся к окну.

Сказал громче, но гораздо спокойней:

– Сколько раз говорил им: больше вам нужно церковных часов, больше. Вот, пожалуйста! Батюшки-светы, вы кем себя возомнили?

– Стяжниками, – еле слышно выдавил Фима.

Отец Михаил промолчал. Услышал, скорей всего, но промолчал.

Дневальные начали мыть коридор. Прошлёпали за дверью босые ноги, забулькала отжатая с тряпки вода, чавкнув, стукнула в дощатый пол швабра.

Фима вздрогнул как от озноба. Давящее болезненное чувство вошло в него с этими звуками. В коридоре кричали:

– Воду!

– Несу, несу! Напор слабый.

Швабра чавкала, каждый раз чуть дальше от двери. Внешне жизнь в Стяге шла обычной чередой: в полдень дневальные начинали мыть полы. Только внешне... Внешнее отслаивалось от сути, как переваренное мясо от кости.

Отец Михаил сказал:

– Я вижу, Ефим, большую гордыню в тебе. Вы поступили как тщеславные людишки, которым очень хотелось стать героями. Выглядеть героями.

– Нет, мы...

– Не перечь, пожалуйста.

Приподнятый над столом палец: молчи и слушай.

– Как вы настоятеля, отца Антония, выставили? Как он выглядит после вашей выходки?

Плохо выглядит, чего уж там. Сам не встал на защиту вверенного. Как он тут может выглядеть?

– Часовню всего лишь переносят. Это... это можно, понимаешь ты или нет? Перенесут, освятят заново. Проведут к ней асфальтовую дорогу. Да что ж это такое! Епархия перенос одобрила, понятно вам?! Слов не хватает!

– Мы...

– Что – «мы»? Вы... Господи Вседержитель, даже говорить об этом дико. Дико даже говорить. Как же вы дерзаете лезть туда, куда вам никак не положено! Больше того – против воли духовенства!

Фима больно укусил себя за нижнюю губу – чтобы хоть как-то сохранить благочинность.

Шёл сюда вслепую, не понимая совершенно, куда и зачем. Душа ныла, искала уюта.

Папаша звал к себе, в свою новую семью. И Фима даже пожил у них два дня. Сводная сестра Надя, почти его ровесница, оказалась девушкой норовистой, но открытой и весёлой. Пожалуй, была она даже доброй. Посматривала на Фиму украдкой, как на диковинного зверька, которого нужно бы приласкать, да боязно. Мачеха Света говорила ему «Фи-

мочка», спрашивала, на какой подушке ему лучше спать – побольше или поменьше, какой ему чай – совсем горячий или попрохладней. Ни с чем серьёзным не лезла. Свозила его на могилки, к маме и к бабе Насте. Ждала в сторонке.

И всё же на третий день, за завтраком, Фима понял, что это невозможно – жить с ними. Физически неразрешимо. Как ходить по потолку, как быть одновременно в двух местах: не-воз-мож-но.

Детство было скучным. Пустым и плоским, как нераскрашенные раскраски. Одежка залатанная, невкусная еда – и тесные, по рукам и ногам опутывающие вечера подле бабушки. Спасался книгами: домашняя библиотека была большая. Наполовину – книги из бабы-Настиной юности, наполовину – папашкины. В старших классах в районную библиотеку ходил, просиживал выходные в читальном зале. К концу школы, правда, книги начали раздражать. Надоело переживать чужое. Разве что про войну всё ещё мог читать.

Да, детство было скучным.

Баба Настя любила его, конечно. Любви её в памяти хранилось много. И молчаливой нежности. И двужильной заботы. Только почему-то не взошло ничего в ответ на эту любовь. Ничего, чем можно было бы жизнь раскрасить.

Баба Настя героически растила Фиму на пенсию – и с возрастом чувство благодарности к ней так разбухло в его сердце, что начало тяготить. И стало ещё скучнее. Так скучно, что порой, стоя с бабой Настей в церкви, он, смущаясь, при-

нимался просить о непростительных глупостях. Чтобы наткнуться ему по дороге со школы на толстую пачку денег – и чтобы они с бабой Настей могли куда-нибудь поехать, далеко куда-нибудь, в красивое солнечное место, где будет море, и белые корабли на горизонте, и песок, и люди красивые, загорелые...

Теперь, останься Фима в папашкиной семье, море с кораблями было бы, наверное, вполне достижимо.

Но всё это оказалось уже совсем ненужным.

Фима понял: от новой взрослой пустоты, которая грянула после смерти бабы Насти, ему не спастись, поселившись приёмным в этой семье. Потому что не хватит. Потому что не заполнят столько пустоты новая одежда и вкусные обеды – и это осторожное «Фимочка», произносимое посторонней, приручающей его тёткой. Все дни, проведённые в доме отца, Фима переживал раздражающее состояние внутренней неопрятности, ложью потел противно. Останься он там – ради сытости, как дворняга какая, – и пришлось бы всю жизнь отзывать на «Фимочку», отрабатывать, делать стойку.

Долго не искал. Вспомнил мелькавшие в телевизоре репортажи о стяжниках, сходил в библиотечный интернет-зал, просмотрел сайт. Дохнуло чистотой и силой. Православное дело впервые предстало перед ним во всём своём неоспоримом великолепии. Не искать, поскуливая, своего уголка – с куском мутного обывательского солнца, с куском обывательской правды, трусливой и затхлой, – а жить во всю ширь,

чтобы место твоё было – вся твоя страна, которая с твоей помощью наполнится солнцем настоящим, немеркнущим, и настоящей всепобеждающей правдой...

Подумал устало: кажется, нашёл.

Его приняли на испытательный срок в Любореченское отделение: лекции, разные несложные задания – то заболевшему батюшке лекарства отнести, то цемент в строящейся церкви разгрузить. Стал через сутки ночевать в помещении Стяга – сторожил. Заодно прятался от папаши, донимавшего настойчивыми приглашениями жить у него, мучительными для обоих слезами раскаяния, дурацкими сумками с едой, которые оставлял у соседей, если Фима не открывал ему дверь. Фима ждал, когда тот заговорит с ним о бабы-Настининь квартире: наверняка ведь какие-то документы нужно было оформлять. Наследство и всё такое. Но папаша молчал.

По окончании испытательного срока Фиму вместе с двумя десятками таких же кандидатов из Южного округа привезли в Москву, в Центр. Там-то он всё сразу и понял. И не от чьих-то мудрёных речей – не было никаких речей. Но как только ступил на эту территорию, сразу сказал себе: моё.

Закончилось душное детство. Перевернулись песочные часы.

По двору бывшей гостиницы «Дом туриста» – вывеску молчаливые, с интересом поглядывающие за ворота грузчики только что запихали в открытую «Газель», – огибая пёстрые прямоугольные клумбы, колонной по два бежали голые

по пояс стяжники. Фима невольно остановился, чтобы рассмотреть: то были уже не кандидаты, а настоящие стяжники. У одного, заметил Фима, на шею был наброшен широкий брезентовый ремень. Когда парень обежал клумбу и развернулся к нему лицом, Фима увидел, что на ремне висит толстенный, килограммов на десять, железный крест – грубый, изъеденный ржавчиной. Парень уложил крест поперечиной в сгибы локтей, а пальцами вцепился в его макушку. Ремень оттягивал побагровевшую шею. Смешиваясь с потом, ржавчина стекала по животу тонкими бурыми струйками. «Провинившийся», – догадался Фима. Колонна приблизилась, и они обменялись взглядами. Никогда раньше не натыкался Фима на такой взгляд. Может быть, в кино видел – но кино не в счёт. В этом взгляде сплавилось столько всего: решимость выстоять – и отчаянье от тяжести испытания, страх позора – и сомнение: «Смогу ли?».

– Бочкарёв! – рявкнул незнакомый человек из двери ближнего здания. – Кому тормозим! Бегом сюда!

Тот миг, когда Фима бросился к позвавшему его человеку, надолго стал для него самым сладким, самым интимным воспоминанием. Здесь – понял – ему дадут всё: цель для жизни и порядок для души.

– Вперёд, боец, грудиной на амбразуру!

В вестибюле, куда Фима вошёл с человеком в новеньком похрустывающем камуфляже без погон и знаков в петлицах, стоял разноголосый шум. Кандидаты успели уже осво-

ить пространство. Самые шустрые развалились в креслах, кто-то устроился на полу, другие стояли, оглядываясь по сторонам.

– О-о-оп! – на манер строевой команды, раскатисто, крикнул человек в камуфляже.

Замолчали. Смотрели улыбочиво.

– Мебель не ломать. В помещении не курить. Вне помещения тем более не курить. Начинаем бросать. Сортир – прямо по коридору налево. Мужской. Остальным направо.

Грянул смех. И Фима тоже улыбнулся – но скорее этой всеобщей мальчишечьей готовности захохотать от незамысловатой кирзовой шутки. Он собирался уже найти себе местечко на этом птичьем базаре, но увесистый шлепок в спину отправил его к лестнице:

– Ты ещё здесь, красота моя? Бегом наверх, Тихомиров заждался.

Тогда Фима впервые встретился с Тихомировым. Тот выглядел совсем не таким приветливым, как на заглавной странице сайта. Фима вошёл в кабинет, доложил, как инструктировали по дороге:

– Кандидат Бочкарёв Ефим Степанович.

Тихомиров попружинил ладонью по своему ёжику, глянул на Ефима исподлобья.

– Какой была первая печатная книга на Руси? Только сейчас Фима заметил батюшку в дальнем углу комнаты, возле журнального столика.

– Какой была первая печатная книга на Руси? – повторил священник и, придерживая наперсный крест, наклонился к столу за бутылкой минералки.

Это был простой вопрос.

– «Апостол», – ответил Фима и посмотрел сначала на батюшку, потом на Тихомирова.

– Молодец, – сказал батюшка, наливая в стакан шипучую минералку. – Что-нибудь из «Апостола» прочитать можешь?

Фима открыл было рот, но вдруг осёкся. Знал ведь – и вот вылетело!

– Ну ничего, ничего, выучишь.

Тихомиров откинулся на спинку стула и бросил на стол перед собой покрытый печатным текстом лист: обязуюсь выполнять, соблюдать, не разглашать. Постучал по бумаге пальцем. Фима подошёл, расписался там, куда ещё раз, для верности, клюнул начальственный палец. Смущение, охватившее его из-за того, что он не вспомнил ничего из «Апостола», отступило.

– Ну что, философ, проникся?! – донеслось со двора. – Снимай железа, хватит!

Хорошо. Выстоял паренёк.

Тихомиров запустил руку в ящик стола, вынул и уложил поверх договора цепочку с армейским жетоном: на одной стороне выгравированное церковно-славянским шрифтом «Владычный Стяг», на другой – личный номер. С этой минуты Фимин личный номер. И пустое колечко для кре-

стика.

Фима взял жетон, не зная, нужно ли надеть его прямо сейчас или для этого будет какая-то особая церемония.

– Веремеева зови, – сказал Тихомиров.

Фима кивнул и, зажав цепочку с жетоном в руке, вышел за дверь.

Голова быстро тяжелела. Снова зашумели.

Отец Михаил встал, строгим взглядом обвёл самых шумных.

– Довольно кричать. Не в спортзале.

Он вернулся к окну.

– Фима, Прохор Львович подписал приказ о твоём отчислении.

Кажется, кто-то сказал: правильно, и остальных вместе с ним.

За дверью ухала падающая на пол швабра. Упала – чавкнула. Поползла по доскам.

Приказ об отчислении.

Здесь всё останется по-прежнему: побудка, пробежка – мохнатый пёс Гавка трусит рядом, заливаясь счастливым лаем; короткое напутствие священника перед началом нового дня; завтрак; занятия в спортзале, лекции в классах. Парашютная подготовка – прыжки с «крокодила». К концу августа обещали настоящие прыжки. Всё лето, пока длятся сборы, стяжники, собранные здесь, в бывшем пионерлагере

«Казачок», продолжают укреплять дух и плоть. Уже без него. Его – исключают. Почему-то только его одного.

– Садись, Фима.

– Что? – он расслышал лишь своё имя.

– Садись. Сел.

– Все остальные, кто участвовал в ночной шкоде, пойдут в тёмную. А пока... Через час будет автобус, поедem разравнивать этот вал вручную. Я с вами поеду.

Глава 2

Над головой, на верхней площадке «крокодила», вялый ветерок перебирал поводки, собранные в два пучка, по одному на каждом тросе. Поводки тёрлись друг о дружку, издавая звук, похожий на шёпот – угрюмый металлический шёпот. Когда, пристегнув поводок карабинами к парашютной амуниции, толкаешь подошвами край площадки и несёшься вниз, над головой слышен совсем другой звук – режущий, звенящий. Что теперь-то?

Фима зашёл в тень под навес. От Белого корпуса, где располагались спальни роты «Пересвет», спортзал и классы, в сторону штаба не спеша двигались стяжники. Первыми шли его товарищи по ночной акции. «Подельники», – назвал их Тихомиров. Снова нежностью окатило сердце: «Первыми пошли, с прямыми спинами. Эти не скиснут, нет». Поговорить бы с ними сейчас, полегчало бы. Но отец Михаил велел по лагерю не шататься, а дожидаться его здесь. За опальной четвёркой – уже на расстоянии, уже отгородившись несколькими метрами пустоты, – шагали остальные. Одни переговаривались. Другие шли молча, понуро угнув головы. Веремев возбуждённо жестикулировал.

Он теперь поднимется в Стяге, Витя Веремеев. Громче всех выступает. На рукопашке ему нет равных. И Тихомирову он, кажется, нравится. Поставят Веремеева старшим в

их роте. Ну или помощником к Денису Емельянову, вместо Чичибабина. Хоть бы должностям уже названия придумали – а то второй год, и всё «старшие».

Как теперь? Как же теперь-то?

Стяжники вышли на широкую дорожку, ведущую к штабу. Некоторые, щурясь и прикладывая козырьком ладонь, всматривались в сторону «крокодила». Отсюда Фима не мог разглядеть их лиц. Злятся на него, наверное. Испугались, что Стяг теперь закроют. Глупыши. Нет, не могут Стяг закрыть, никогда этого не будет: на самом верху задумано. Уладится. А вдруг – вдруг всё повернётся, как никто и не думал? Со всем иначе – хорошо всё повернётся для Стяга...

На середине дорожки Чичибабин оглянулся и махнул Фиме рукой.

И Фима хотел было махнуть в ответ, но в последний момент остановился: вдруг Тихомиров смотрит сейчас из своего окна? Не нужно осложнять ребятам жизнь. Видно, Тихомиров решил одного его покарать – мол, остальных этот буйный обманом затащил. У Тихого понятная арифметика: один смутьян всегда лучше, чем несколько.

Стяг строился перед Красным корпусом. Там столовая, спальни «Александра Невского» и штаб – отдельное крылечко с левого края фасада. Обычно строились перед штабным крыльцом колоннами по десяткам, с широким интервалом одна от другой. Но сейчас их выстроили в плотное каре. В каре их ставят, только когда они отрабатывают «ватагу» –

противодействие толпе. Возможно, Тихомиров хочет, чтобы они стояли компактней – чтобы можно было не орать во всю ивановскую. Мало ли кто услышит. По ту сторону сетчатой ограды – заброшенные ещё с советских времён очистные. Там много кто ходит. Бомжи ночуют. Поселковые мальчишки, бывает, костры жгут. Теперь вот, как начали ваять Шанс-Бург из захудалой Шанцевки, заезжают самосвалы за песком.

Может, обойдётся ещё? Но отец Михаил всё же как-то странно смотрел.

Солнце больно жалило глаза, бриллиантовой сыпью покрывало любую гладкую поверхность, до которой могло дотянуться. Фима вынул из кармана тёмные очки, надел.

Жарко ребятам стоять вплотную друг к другу.

Хоть Фима и не любил армейку, но строевые эти упражнения – когда одна часть Стяга изображает агрессивную, потерявшую над собой контроль толпу, а вторая оттесняет её за заданную черту – ему нравились. Очень даже. Мурашки бежали по коже, когда они, сомкнувшись в каре, встав вполоборота – левое плечо слегка вперёд, – с монотонным угрожающим мычанием мелкими шажками надвигались на распоясавшихся хулиганов. В какой-то момент старший подавал команду – и каре ломалось напополам, распахивалось клешней, слева и справа сжимая противника.

Да, им поручено редкое по важности своей и благодати дело – защищать церковь. И правильно, и самое время. Два года назад прихожане в Перми музей какой-то спалили из-за

богохульной выставки. Там много чего сгорело. В том числе и не богохульного вовсе. Вскоре после того и появился Владычный Стяг. Оно и понятно: чтобы тех же горе-художников на место поставить или обнаглевших нацменов – тут подготовленные бойцы нужны. И задачу выполняют, и лишнего не допустят.

Первое, что объясняют каждому новичку: Стяг – не православные бойскауты, как были шакальи радиостанции. Стяг – дело для настоящих мужчин. Никакой сусальной попсы, никаких больше пикетов с плакатами «Слава Богу!». Но если защитники, то защитники от любой напасти. Какой бы она ни была. Пусть бы даже явилась в образе матёрого губернатора. А то художников шугать – большой доблести не нужно. Или тех же драгрейсеров.

Кстати, никто из начальства ни слова не сказал, когда на прошлых сборах – тоже самовольно, тоже без благословения – они разобрались со станичными драгрейсерами. Те на Ольховском кладбище повадились гонки устраивать. Такой вот экстрим: шпарить мимо могил от забора к забору.

Жители Ольховки, тамошний председатель и пара молодых, с быстрыми, пытливыми глазами, женщин, сами пришли в Стяг. Но не к начальству почему-то, на КПП пришли. Поговорили с нарядом, попросили помочь. Может быть, как уверял кто-то, у Тихомирова они до того побывали? А тот, старый лис, решил обставить так, будто всё без его ведома. Ну и зря. Поднялся бы в их глазах. С драгрейсерами они лег-

ко разобрались. С первого раза. Пришли на кладбище с факелами и парой канистр бензина. Не говоря ни слова, проткнули шины. Самого ретивого свалили на землю и бензином облили. Всё молча, без суеты. Не верили автопанки своим глазам. Небось, думали про стяжников: слабаки, крещёная пионерия. Моментально изменили отношение к Стягу. Попрыгали в свои тонированные развалюхи и разъехались.

Ольховские потом охапку цветов принесли на КПП и бидон мёда.

Тихомиров... Настоящее дело частенько больше тех людей, которые его возглавляют.

Вот только где оно – дело? Которое обещано?

Почему им так ни разу и не поручили ничего серьёзного?

Почему часовню отдали казиношникам? Почему уступили?

Ведь Стяг справился бы.

– Сми-ииии-р-rrrrrr... на! – прокатилось над лагерем.

На крыльцо вышел Тихомиров.

Впервые Фима наблюдал со стороны, как строй стяжников, встрепенувшись, твердеет, замирает по стойке смирно.

Эх, если бы Тихий плюнул сейчас на все условности, переступил бы через свои армейские табу, через свой страх вызвать гнев вышестоящих – сказал бы так: «Стяжники! За своеволие и нарушение моих приказов я не могу не покарать пятерых ваших соратников. Главного зачинщика смуты я отчислил, его подельники понесут суровое наказание. По-

тому что нельзя нарушать мои приказы! Но как руководитель Владычного Стяга, как гражданин православного отечества, я не могу не разделять их порыва. А посему сегодня же мы выступаем к часовне Иоанна Воина. И пусть только сунутся!» И тут из сотни молодых лужёных глоток грянуло бы такое «ура», от которого с окрестных ветвей со звуком сотен выстреливших хлопушек сорвало бы задремавших га-лок и ворон...

Тихомиров говорил непривычно тихо, Фиме ни слова не было слышно. Но говорил он, конечно, совсем другое. Швырял руки за спину, пружинно покачивался на носочках. Вырывал руки из-за спины, рубил и вязал широкими узлами воздух перед собой – и снова прятал. Будто в ножны клал.

Он замолчал. Каре пришло в движение: колыхнулось, как шапка чуть не убежавшего молока, и вновь застыло неподвижно. Наверное, «подельники» вышли из строя.

– Пойдём, Ефим.

На краю спортгородка стоял отец Михаил.

– Отсюда, оказывается, всё видно. Я-то думал, не видно. Я затем тебя и отослал, чтобы ты ещё сильнее себя не драконил. Идём. Лопаты на складе соберём.

Фима поспешил к священнику, на ходу пряча в карман очки. Стеснялся при нём носить: знал, что в этих очках «полицай» выглядит слишком уж гламурненько, становится похож на модного мальчика с глянцевой обложки.

– А вы туда не пойдёте? – Фима кивнул в сторону штаба.

– Нет. Там Прохора Львовича место.

– А как, владыко, как бы вы решили, если бы вы нами руководили?

– Довольно, Фима, – отец Михаил покачал головой.

Они прошли по краю утрамбованной белёсой земли и ступили на хрусткий гравий аллеи. Не спеша двинулись в сторону КПП, справа от которого, среди деревьев парка, стоял склад.

– А почему лопатами, отец Михаил?

– Потому что.

– Так ведь остальные ни в чём не участвовали. Они все против были.

Неприятно, конечно: каждая лопата земли, брошенная под палящим летним солнцем, добавит неприязни стяжников к их пятёрке.

Ажурная тень парка текла навстречу, ложилась под ноги, наползала на лицо, на одежду – на футболку-песчанку Ефима, на серые одеяния священника. Наверху солнце разбавляло зелень золотом, слепящими фонтанами взрывалось в просветах.

– У тебя когда отсрочка заканчивается?

Фима поморщился.

– Да вот... осенью.

– Служить пойдёшь или на альтернативную?

Отец Михаил напомнил о том, о чём Фиме сейчас не хотелось думать совсем: скоро, непоправимо скоро – армейская

служба. Там дедовщина, там много всего.

– Если хочешь, я могу похлопотать.

– Благодарствуйте, батюшка. Не нужно.

Дневальные, заметившие их с крылечка КПП, перекинулись парой фраз. Не хотелось идти мимо них. Тем более эти – из «Александра Невского», от них вчера к часовне ни один не пошёл.

– Давайте здесь, отец Михаил, – Фима показал на тропинку, уводившую направо, к складу. – Так ближе.

Они свернули с аллеи.

Перед складом, возле садовой тележки, задравшей изогнутые ручки к стволу каштана, катался в песке почти спаниель Гавка. Из-под его кнутом извивающегося хребта расползались густые клубы пыли. Заметил приближающиеся по тропинке ноги и замер, разглядывая. Узнал. Вскочил, бросился навстречу, раскидав по парку свой музыкальный лай. Гавка с разбегу прыгнул Фиме на грудь – будто коврик в лицо вытряхнули.

– Уйди, – как можно строже сказал Фима. – Пшёл.

– Весёлый какой пёс, – улыбнулся отец Михаил.

– Пшёл, кому сказал! Ну!

Но Гавка, принимая это за игру, безумным мячиком скакал вокруг Фимы. Отчаявшись унять Гавку, Фима крикнул в сторону КПП:

– Эй, позови его, а? Подзови Гавку, перепачкает сейчас всего.

Один из дневальных призывно свистнул, и Гавка в надежде на подачку пуль унёсся к КПП.

– Весёлый...

– Да, очень.

– Здешний?

– С очистных пришёл. Бросили, наверное.

– У меня в детстве тоже собака была, – сказал отец Михаил, отыскивая в связке похожих ключей нужный, с тремя насечками. – А, вот.

Поковырявшись с непривычки, отец Михаил открыл замок на воротах склада, посмотрел, куда бы пристроить, и бросил его в тележку. Они вошли внутрь, Фима включил свет.

– Где они тут у вас? – спросил отец Михаил, обводя взглядом рассечённое прямыми углами стеллажей пространство склада.

– Вот парочка, – сказал Фима, шагнув к стене.

Взял по лопате в каждую руку, перенёс поближе к воротам. Отец Михаил двинулся вдоль стеллажей, плотно и аккуратно заполненных коробками и свёртками: крупы, чай, сухофрукты, мыло, свечи, ладан, стопки новенькой зимней формы, непонятно зачем завезённой – стяг приезжает сюда только летом.

– Батюшка, там, скорей всего, не будет, – сказал Фима. – Давайте я сам найду.

Отец Михаил остановился в проходе под тусклым шаро-

видным плафоном, принялся разглядывать стеллажи. Фима успел отойти довольно далеко, когда отец Михаил что-то сказал.

– Не слышу вас, батюшка, – остановившись, отозвался Фима.

– Ты здесь на хорошем счету был, – повторил отец Михаил громче. – И вот нате. Затеял!

Фима остановился, не зная, как лучше поступить: вернуться к священнику? так ведь лопаты... не перекрикиваться же через склад.

Он догадывался, что отец Михаил собирается с ним поговорить. Иначе зачем он пришёл с ним сюда? Вряд ли просто для того, чтобы потаскать лопаты. Фима очень рассчитывал на этот разговор. Всё-таки как-то странно стали разворачиваться события. Объявив об отчислении – и почему-то устами духовника, – его не отправили немедленно в штаб для свершения официальной процедуры изгнания. Как должна выглядеть эта процедура, Фима не знал, поскольку при нём никого ещё из Стяга не отчисляли. И всё же логично было предположить, что должно быть именно так. Вместо этого отец Михаил сначала отослал его из корпуса, а потом увёл от общего построения собирать для Стяга лопаты. Конечно, это казалось Ефиму странным. Если только не предположить, что отец Михаил собирается сказать ему нечто важное, ради чего легко можно пренебречь любой логикой.

Фима завернул за предпоследний от стены стеллаж и тут

же наткнулся на них. Целый полк лопат: округлые верхушки черенков торчат, будто вплотную сомкнутые каски. Подбежал к краю, просунул руки в гущу загромыхавших черенков, загрёб в охапку штук десять и боком, чтобы не цепляться, бросился обратно.

Лопаты сгрузил к створке ворот.

– Батюшка, я ведь шёл сюда... Мне казалось, мы все... затеяли... А иначе... Я слышал, чья-то мать, когда провожали нас сюда, на сборы, говорила: «Всё это очень полезно. Они там и душу, и тело оздоравливают». То есть... как про санаторий: «Оздоравливают». Это ведь другое, правда? Я другого...

– погоди же, – священник тронул его за плечо. – Не будь ты так строг к людям, тем паче к их словам. Что ж ты всё рубишь-то сплеча? Чего тебе «другого», Ефим? Неужели так-таки не важно для тебя твоё душевное здоровье? Да и телесное тоже. Ты же молодой совсем, тебе ещё семью создавать, детей растить. Неужто так горько разочаровал тебя Владычный Стяг? Ведь сколько он тебе дал!

Да, да. Только не о том сейчас!

– Я не сплеча, батюшка. Всё, что вы говорите... Я хотел сказать – всё это, конечно, правильно... Но... А как же... Родина? Православная... Вы же сами... То есть... – запнулся вдруг, лицо дрогнуло. – Я думал... нас на помощь позвали. Скажу. Нужно сказать. – Мы-то готовы... Стоял, смущённо хмуясь. Пока ничего неожиданного –

да и важного не больше.

Понял вдруг, что до сих пор, спустя два года в Стяге, не умеет по-настоящему держаться со священником. Батюшка, отец Михаил, честной отец – как обращаться к нему, знает. А общаться – не умеет совсем. Говорить с ним не умеет. Всё тот же зажатый растерянный мальчик в Свято-Георгиевском храме, которого заговоривший с ним священник перепугал до смерти. Можно ли было сказать отцу Михаилу вот так, как равному: «Всё, что вы говорите, правильно»? Ясное дело – правильно! Он же священник.

Запутался, запутался!

Отец Михаил и сам, в смущении, отвернулся. И снова, как недавно в классе, он показался Фиме усталым натруженным мужичком – в детстве Фима перевидал таких тьмутьмущую. Через их двор, поодиночке и небольшими стайками, со Второго механического шли отработавшие смену рабочие. И Фима разглядывал их, невольно складывая в памяти все оттенки, все чёточки земной усталости: люди с механического завода, изо дня в день повторявшие одни и те же механические действия, шли медленно, механически, погружаясь в свои механические мысли, наполненные стальным шорохом цехов или тишиной тесных, с унылым видом на серые заводские корпуса, хрущёвских кухонь.

Никогда раньше Фима не видел усталых священников. Разве может быть священник хоть в чём-то похож на людей с механического?

Запутался.

Отец Михаил обнял ладонью бороду и стоял так, уставившись в тушки тюков на полках. Наверное, они двое сейчас очень похоже смотрятся, подумал Фима. Всё же было в этом что-то гнетущее: в душном тусклом складе вести со священником петлистый, увязающий в недоговорках и взаимном смущении, диалог.

Может быть, чувствовал то же самое и отец Михаил?

– Знаешь, Фима, – сказал он, – ты приходи ко мне в Управление. Мы там с тобой поговорим. О важном поговорим.

– Да, батюшка, – с невольным облегчением отозвался Фима, но тут же переспросил: – Куда приходить?

– В Управление патриархии.

– Ах, ну да, конечно.

– Ты ведь в Любореченске живёшь?

– В Любореченске.

– Вот и приходи через недельку. На улицу Горького. Знаешь?

– Знаю, напротив «пожарки».

– Вот и приходи.

Фима удивился:

– Как же – через недельку? Ведь сборы? Вы ведь здесь будете.

– Говорю тебе, приходи через неделю. Ну, – батюшка перешёл на шуточный тон. – Идём же лопаты таскать.

Они дошли до крайнего прохода, каждый отделил от об-

щей кучи по стопке, подхватил.

– Не печалься, Фима. Всё образуется, вот увидишь. Отчислят? Или обойдётся?

Когда вернулись обратно, у выхода их встретил дневальный, Сашка Калинин. Сказал:

– К вам пришли, отец Михаил, – и тут же ушёл. Не хотел, наверное, оказаться в помощниках у Фимы.

За воротами, в плотно повязанных платочках, одинаково сцепив руки на животах, одинаково шурясь под солнцем, стояли старушки. Четверо. Разглядев священника в полумраке склада, оживились, как по команде рассыпали еле заметные, крупитчатые движения: переступили с ноги на ногу, тронули края платков, переложили сцепленные ладони. Та, что стояла с левого края, самая сухонькая из них, была похожа отсюда на бабу Настю. Плечико острое, цыплячье, в пояснице надломлена слегка.

– Что ж вы, милые! – воскликнул отец Михаил. – Ах вы... В такую-то даль, а... Без предупреждения... Вот они, голубушки. И во вторник, говорят, приходили?

– Приходили, батюшка, не застали.

Гавка, устроившись на солнцепёке, с азартом похрустывал добытой таки где-то костью.

Фима поставил лопаты к створке ворот, отошёл вглубь склада.

Трудно было сказать, по-прежнему ли шурились старушки или теперь улыбались: глазки всё так же в щёлочку, вы-

сохшие рты растянуты ниточкой. Они заговорили со священником тихо и размеренно. По очереди, кирпичик за кирпичиком, принялись выкладывать привычную беседу.

– Видал, что делают, – обернулся через какое-то время отец Михаил к Фиме. – В такую даль, боже мой! С двумя пересадками. Пастыря в их хуторе нет, скончался, царство ему небесное, вот никак не назначат пока. Ты уж, будь ласков, сделай сам, хорошо?

– Конечно, батюшка.

– Ты парень крепкий. Как вытащишь всё, закрой, а ключ дневальному. Да Прохору Львовичу на глаза не попадайся.

Глядя вслед удаляющемуся по тропинке в сопровождении своих стареньких гостей отцу Михаилу, Фима несколько раз порывался окликнуть его, спросить, что ему потом делать. Но они уже скрылись за деревьями, а Фима так и не окликнул.

Если не будет официального разговора с Тихомировым – то и отчисления, считай, не будет.

Глава 3

Её пёструю, будто покрытую цветным серпантином, голову Фима заметил издалека – как только Надя вышла из маршрутки. Тоже сразу его заметила, запрыгала по-физкультурному, одновременно расставляя ноги и разводя руки над головой – схлопываясь и снова раскрываясь живой буквой «Х». Любит похохмить.

Сводная сестра... хотя бы какое-нибудь, самое призрачное, сходство...

Сошлись совсем неожиданно, уже после того, как ушёл из их семьи. Столкнулась с ним возле штаба Любореченского Стяга, стала наведываться туда по вечерам, на его дежурства. Вцепилась – будто без него и жизнь ей не в радость. Много расспрашивала о Стяге: чему учат, какой распорядок. Иногда говорила очень метко и умно. Вообще взрослая не по годам. Папаше не сдала, сдержала слово. Чудная сестрица Надя. Зачем он ей? Вряд ли когда-нибудь сблизятся по-настоящему.

Под одиноким фонарём на остановке короткое замешательство: нужно обойти лужу. Первые здешние поселенцы. Всем в Солнечный, тут больше некуда: степь вокруг. Но в разные концы. Одним налево, другим направо. Лужа мешает разойтись. Большая такая, с раскисшими маслянистыми краями, лужа – не перепрыгнуть. Морщатся, натываясь друг

на друга, кривят рот, но глаз не поднимают. Это Фиме знакомо, в Любореченске то же самое: не любят входить в контакт наши ORANUSы – хмурые ротожопы. Немного их пока перебралось сюда, Солнечный только начали заселять. А будет целый посёлок. Построили для тех, кто приедет работать в местных казино. Крупье-переселенцы. Слуги азарта.

Дождавшись, пока площадка перед маршруткой освободится, Надя вприпрыжку пустилась к нему.

Лицо совсем детское, плавные кукольные линии, от которых любой недобрый взгляд, казалось бы, должен отрикошеть, не причиняя вреда. Но волосы её – в боевом крикливом раскрасе. Мол, сама кусаюсь.

Из маршрутки, очень осторожно, вышел крепко подвыпивший человек в льняном костюме, с плотным, намертво зажатым под мышкой портфелем. Вылез, внимательно всмотрелся в пространство. Постоял, подумал. И, с каждым шагом заново приноравливаясь к гравитации, двинулся вслед за остальными в сторону коттеджей.

Надя подбежала к огромной деревянной катушке из-под кабеля, под блином которой, как под зонтом, стоял Фима.

– Здравствуй, Надя.

– Привет, бр-р-ратан.

Обняла его по-медвежьи: качнулась всем корпусом, навалилась, оттопырив локти.

– Бог с тобой, Надежда. В зоопарк тебя заберут.

Маршрутка уехала. Последняя на сегодня. Обратно при-

дётся топать пешком до трассы. По лунным загаженным пустырям в сторону плоского бетонного хребта, осыпанного редкими пупырями фонарей и силуэтами торговых палаток. Фима любил такие ландшафты.

– Спасибо, Фимочка, что позвал. Я уж и не надеялась.

– Обещал ведь. У нас принято слово держать.

– Говорил – впятером ходите. Краску взял?

Фима указал взглядом на стоявший возле него полиэтиленовый пакет:

– Взял. Другие не смогли сегодня. Вдвоём пойдём.

– Почему не смогли?

– Что за допрос? Ты не в Школу милиции поступаешь?

– Я? Я ж и так спецагент! Видишь, вот, – оттопырила пуговицу на джинсах. – С виду просто пуговка, а нажму – тут же парашютисты с неба, голос президента в мегаваттных динамиках: «Кто там нашу Надю обижает?». Показать, как действует?

Провожая взглядом качающуюся фигуру, только что проплывшую мимо, Фима рассеянно улыбнулся.

Надя пнула валявшийся под ногой камешек и, будто вдогонку ему, этому камешку, сказала:

– Папа тоже пить начал.

Лицо у Фимы застыло.

– Который час? – он решил сделать вид, что не расслышал.

– Ему тоже тяжело.

Не сдержался:

– Почему «тоже»? Мне нормально. Как всегда. Не пойму, чего он вдруг... Раньше не пил, кажется? Сколько его помню – иногда ведь захаживал к нам, – ни разу во хмелю его не видел. Который час?

Взяла за руку, сжала легонько:

– Фим...

Сердце у Ефима заторопилось. Оборвал её:

– Ты не лезь, ладно?

– Извини, не лезу.

– Это он тебя просил?

– Что ты, Фима. Я же говорила: он не знает, что мы видимся.

Резанул рукой, показал: всё, закрыта тема. Но тут же сам продолжил:

– Жил до сих пор, слава богу, без него – и дальше хочу.

Зря позвал её. Пожалел, что позвал.

Будто угадав его мысль, Надя сказала виновато:

– Больше не буду. Замяли?

Встала на катушку рядом с Фимой, посмотрела на огни Шанс-Бурга.

В бледных пальцах прожекторов – углы заборов, ломтики стен, вычурные дизайнерские загогулины. Красные зрачки над ними: подъёмные краны – любят тем, что вырастили за день. Пара отстроенных игровых комплексов на восточной окраине пылала иллюминацией. То прокатится в ночном небе морская волна; разобьётся, рассыплется монетами.

То выстроится из падающих в кучу лучей и тут же погаснет огромная пирамида, а на её месте пробегут в торопливом хороводе похожие на котят сфинксы. Вспыхнет на подоле пляшущего неба ослепительный зелёный репейник, расплющится, превратится в колесо рулетки и завертится, побежит. И луна – как слетевший с этого колеса, закатившийся под стол шарик.

– Впечатляет, – сказала Надя.

Вторую ночь горит иллюминация, пусконаладка у них. Где-то с обратной стороны Шанс-Бурга стоит, одиноко поблёскивая луковкой, часовня Иоанна Воина.

– Сразу пойдём? – спросила Надя, не отрывая взгляда от огней. – Или подождём?

– Который час?

Она вынула мобильник, посмотрела.

– Полдвенадцатого.

Подхватив пакет с баллончиками краски, Фима шагнул с катушки на землю.

– Нужно бы подождать, конечно. Но пойдём. Неохота ждать.

– А место будет освещенное? Снять получится?

Она похлопала по футляру видеокамеры, висевшей на плече.

– Поймают, не боишься?

– Не-а, – прыгнула к нему. – Я везучая. Так... всё в силе, можно будет съёмку у себя на страничке выложить?

– Можно, можно.

Пошли вдоль новеньких тротуарных плит, высоко выпирающих из голой земли. Плиты похожи на рёбра. На длинные серые рёбра не обросшей пока плотью дорожки.

– Тебя на ночь отпускают?

– Я сейчас у подружки, английский подтягиваю. Thank you for given opportunities, Mr. Spenser. This is a great honor to me, Mr. Spenser. Интонация у меня хромает. Она хорошая, но хромает. Знаешь анекдот про Винни Пуха?

– Да ну, не то настроение.

Свернули на проезжую часть. Метров через сто, там, куда не дотягивался свет фонаря с остановки, Надя включила камеру. Опустила её объективом вниз.

Звучно хрустел гравий.

– Темно слишком, – сказала Надя озабоченно. – Но звук-то запишется?

Пожалуй, гравий хрустел слишком громко, и лучше бы, подумал Фима, позвать Надю обратно: мало ли кто шастает вокруг Солнечного. Но если бы у него была камера, он, наверное, тоже захотел бы это снять. Как в темноте под ногами по-яблочному сочно хрустит гравий. Шаг, шаг – подошвы будто откусывают от дороги: хрум-хрум. Ночь вокруг – густая, степная: позолоченный уголь. Хруст гравия и шелест одежды... и человек, идущий по гравию, к кому-то обращается, роняет тихие слова.

Вошли в посёлок там, где громоздились кучи строитель-

ного мусора и штабеля неиспользованных строительных щитов – готовые стены, с оконными и дверными проёмами, с зубчатыми, как у детского конструктора, краями.

– Как здесь живут? Жутко же.

– Жутко, – отозвался Фима. – Пока и не живут.

Надя, через какое-то время:

– Реально жутко. Отошёл от дома, вляпался в голое поле.

Голое, ничем не прикрытое поле. Жесть!

Потом они какое-то время шли молча. Потом Надя сказала:

– Да уж... окраины Армагеддона... Поэтичное, но довольно дикое место.

– Знаешь, мы вообще-то не про посёлок этот, – буркнул Фима. – И даже не про Шанс-Бург.

– Понятно. Он же везде, Армагеддон? В смысле – если внутри его чувствуешь, то он везде, так?

– Везде.

«Тот же гравий, – подумал почему-то Ефим. – Тот же, что и в стане нашем. Из одного места завозили».

Человек с портфелем поднёс зажигалку к табличке с номером дома, постоял, отчаянно качаясь и, улучив момент, бросил себя вперёд, дальше по переулку.

– Идём, – сказал Фима. – Только камеру выключи. Светится.

– Мне бы снять всё.

– Да снимешь ты, снимешь. Давай дойдём сначала.

Выключила камеру. Забросила снова на плечо, для верности прицепила к поясу специальным креплением.

– Я, Фимочка, уже в суперлидерах.

– Что?

– На сайте я в суперлидерах. Посещаемость рекордная за всю историю сайта. Вот так.

– И что?

– Да ну тебя! Ничего ты не понимаешь. Рекордная за всю историю сайта! Знаменитостью буду.

Фима передразнил:

– Знаменитостью...

– Стоп! Лучше не комментируй, хорошо?

Они пересекли освещённый перекрёсток, нырнули в плотную тень переулка. Фонари в Солнечном горели только на центральной улице. Чистый, возможно, только вчера уложенный, асфальт. Шли вдоль гладко оштукатуренного забора. Отсюда до площади не спеша минут пять. Присмотревшись, Фима разглядел неработающий рекламный экран, высоко заброшенный вышкой в ночное небо, – кусок пластыря, наклеенного поверх звёзд.

Коснулся Надиной руки. Остановились.

– Нам нужно на ту площадку, – шепнул он, кивнув на вышку. – Высота пятого примерно этажа. Лезть по такой лестнице, вроде пожарной. Но сначала колючую проволоку обойдём, там накручено. Сможешь?

Надя радостно заулыбалась:

– Если б не была уверена, что окрысишься, я б тебя расцеловала.

Фима поднял удивлённо брови.

– Что ещё?

– За предстоящий адреналин. А как же! Адреналин... Эх, Надежда.

– Ты что застыл? – спросила шёпотом. – Голоса на связь вышли, а?

– Язва ты, Надя. Тебя с моими никак нельзя было сводить.

На высоте оказалось немного прохладно. Пакет с баллончиками оставили возле люка. Осторожно, чтобы не грохотать железом, Фима прошёлся вдоль бортика ограждения до края экрана, осторожно заглянул за него. Перед супермаркетом «Полная чаша» и в самом деле стоял милицейский «УАЗ», Надя оказалась права. Глазастая. Фима вернулся к ней.

– Ты права, менты.

– Подождём. Всю ночь не простоят. Хорошо, не засекли. Я везучая.

Облокотившись на поручни, она стала разглядывать Шанс-Бург.

– Драгоценный прыщ, – шепнула Надя. – В каком-то стихотворении я в Сети читала... сейчас... «Драгоценный прыщ на теле ночи»... и... та-та-та... нет, дальше не помню. Про что, тоже не помню, выпало. Но подходит, правда? Драго-

ценный прыщ.

Ефим впервые рассматривал с высоты силуэты Шанс-Бурга. Как ни странно, не испытывал сейчас к нему неприязни. Вот, напомнил себе, строится город азарта. Но нет, не было злости. Как ни странно, он чувствовал сейчас острую жалость к этим огням и камням, неуместно брошенным в степь, под льдинки звёзд и стылую луну.

Как же всё это обречённо смотрится.

Надя устроила включённую камеру прямо на рифлёный пол, между прутьев ограждения. Достала из кармана джинсов мятую пачку «Вога», закурила. Фима жадно потянул ноздрями дым.

– Зрелище, скажи?

– Что ж, зрелище, – сухо отозвался Фима. Придвинувшись вплотную и держа сигарету на отлёте в вытянутой руке, Надя мягко толкнула его плечом.

– Чего ты всё на измене, Фим? Смотри, ночь какая. Сейчас менты уедут, и мы с тобой этот экран распишем, жёстко так распишем, не по-детски. Армагеддон, толстопузые, на выход с вещами.

Быть может, однажды расскажет ей, как впервые её увидел, девочку Надю. Каждый раз всплывает в памяти, когда встречаются. Они с бабой Настей шли куда-то – это было одно из тех унылых, невыносимо скучных путешествий, которых было так много в его детстве, – то ли в собес, то ли в поликлинику за рецептами. За него уже требовали платить в

транспорте, и потому они шли пешком.

Прокисшие осенние улицы опухли от автомобильного гула, от ругливых гудков на перекрёстках. Безрадостно процеживали сквозь себя мальчика с бабушкой, приближая то неприятное место, где мальчику, сидящему на стуле или стоящему возле облезлой стены, предстояло предаться многочасовой тоске – потому что серые лица людей, которые окружают там мальчика, не могут откликнуться в нём ничем иным, кроме тоски, тоски...

Баба Настя, крепко державшая Фиму за руку, пыталась его развлечь, рассказывая какую-то историю про каких-то людей из города с обидным названием Козлов, – он почти не слушал. На очередном переходе они остановились, дожидаясь зелёного светофора, и Фима почувствовал, как напряглась баба Настя, как дрогнула её ладонь. Фима посмотрел сначала на бабу Настю, потом перевёл взгляд на другую сторону улицы, куда она нацелила линзы своих очков. У припаркованной возле мокрого тротуара машины стояла женщина. Поддёрнув воротник плаща, она наклонилась к открытой задней дверце и помогла выйти девочке, поддерживая её за локоть, пока та, кряхтя, делала чересчур длинный для неё шаг от машины до тротуара. Женщина закрыла дверцу. Машина крякнула сигнализацией, и они двинулись гуськом вдоль домов: впереди женщина, за ней девочка. Девочка была очень яркая, конфетная. Вязаная шапочка. Шарфик, модно повязанный. Чистенькие ботинки. Фима прекрасно пони-

мал, кто она – на кого могла смотреть таким взглядом баба Настя. Женщина с девочкой скрылись из виду, а Фима с интересом рассматривал *их* машину.

Когда всё случилось, Фиме был всего год от роду, и он знал об этом только со слов бабы Насти, которые она твердила как заученные, когда водила его к маме на могилку: «Взяли машину эту проклятую... говорила им: не нужно, не нужно, зачем вам хомут этот на шею, долги эти, ребёнок у вас... взяли вот, взяли... на радостях прокатиться решили: не волнуйся, мы скоро, по трассе немножко прокатимся... туда ехали – нормально, обратно Танечка за руль села».

– Кстати, насчёт зрелищ, – сказала Надя. – Вот скажи... Только не бычься. Ну, я просто понять хочу. Вот, например, пасхальную службу по телевизору показывают. А ты с дивана смотришь. То есть – ты же не участвуешь, и для тебя это тоже всего лишь зрелище. Да? Нет?

Фима посмотрел на неё строго.

– Надь, ты сама до этого додумалась? Собирался возразить ей, что это совсем разные, разные вещи.

– Ну всё, всё, – Надя замахала руками. – Не будем. Я и вправду ничего в этом не смыслю.

Внизу, совсем близко, хлопнула автомобильная дверь. Послышалось:

– Говорю тебе, табаком откуда-то прёт!

Почему-то не услышали, как подъехали менты. С обратной стороны остановились, не видят их пока. Фима схватил

Надю за запястья, потянул вниз. Присели на корточки. Надя аккуратно взяла камеру, выключила.

– Вляпались? – шепнула.

– Молчи.

Внизу раздались шаги.

– Да не чувствую я табака. Ну, из дома какого-нибудь принесло.

– Какого на... дома?! На этой улице вообще не заселено.

– Значит, померещилось.

– Выйди сам, понюхай!

– Колян, это тебе кинологов вызывать нужно – нюхать тут.

– Ну выйди!

– Я немножко плохо! – слышался чей-то третий, с сильным иностранным акцентом, но пьянющий вполне по-здешнему голос. – Я нехорошо!

– Ноу, ноу, хер Стене! Это пока не твоя остановка.

Иностранный голос заворчал неразборчиво.

– Да табачищем же прёт! – на этот раз было совсем близко, под самой вышкой.

Медленно, чтобы не громынуло железо настила, они легли – лицом к лицу, ногами в разные стороны. Фима прижался спиной к экрану.

– Ноги, – шепотом приказал Фима.

Надя послушно отодвинула ноги подальше от края. Её трясло от сдерживаемого смеха.

– Тот пьяный немец?

– Тише!

– Тот, да?

– Какой ещё немец?

– Ну, тот, мы его видели. Я с ним в маршрутке рядом сидела. Консультант какой-то. «Я немножко плохо». О-ой, уписаться!

– Тихо!

Тот, что оставался в машине, крикнул:

– Да что ты там разглядываешь? Кошки там, что ли, куры? Они, стервы, любят.

– Да пошёл ты! – дружелюбно отозвался напарник.

Надины губы возле самого уха:

– Не знала, что армагеддонить так весело!

* * *

Далеко на востоке разразилась гроза. Всполохи молний, на миг распахивающие пространство, только что казавшееся сплошной синей стеной, – и вдруг изрезанное, изжёванное, обильно сочащееся холодным колючим светом. Молнии гаснут – невольно ждёшь, когда докатится наконец звук грома, растроченный, порой еле уловимый: единственное доказательство кипящей где-то там, над другим кусочком степи, грозы. Звуки эти похожи на осторожное постукивание, с которым ложатся на встречные предметы пальцы слепого великана, пробирающегося сквозь ночь.

Стороной пройдёт. Слишком далеко.

Они сидели, свесив ноги между прутьев, курили. За их спиной, на огромном матовом экране, неровно облитом лунной, красовалось: «Новый Армагеддон».

– Слушай, Фим, а что тут у них – ни одной собаки? Не тявкают.

– Говорят, тут запрещено.

– Почему?

– Вот как раз чтобы не лаяли, не мешали отсыпаться крупьешикам перед ночными сменами... или после ночных смен... в общем, чтобы не мешали.

– Понятно. Непривычно без собак. В частном секторе всегда собаки. Знаешь, будто летишь в самолёте, и вдруг двигателей не слышно.

– Я не летал ни разу.

– Правда?

Пожалел, что сказал.

Неспешный приглушённый разговор. Двое над неживым посёлком – сидят, переговариваются о том о сём, покачивая время от времени ногами. За плечами – слова, хлёстким кнутом летящие в ночном воздухе. Если смотреть отвесно вниз, кажется: их ноги, будто ноги двух великанов, собратьев того бредущего с востока слепца, попирают Солнечный.

Потому как посланы уничтожить это место и стереть его с лица земли.

– Слушай, брат Фима, давай не теряться, а? Может, встре-

тимся ещё дней через несколько?

– Не знаю.

– Вступительные я сдам. Выучила всё, не подкопаешься. У вас бывают выходные... или как там... увольнительные?

– Посмотрим, говорю.

Эта нездешняя гроза, и высота, и слова за спиной. Надя сняла всё на камеру, выложит у себя на страничке – пусть все увидят, пусть подумают. С ней хорошо. Нормально. Но только были бы сейчас рядом Димка, Женя, два Юры. Сидели бы вот так, свесив ноги, погружённые в общую думу. Великаны. Боевые ангелы.

– Мне на видео замазать твоё лицо?

Ефим пожал плечами, глядя на вспышки далёких молний:

– Как хочешь. Нет, не надо, – и, словно продолжая вслух только что прерванную мысль, сказал: – Если Последняя Битва – это в буквальном смысле сражение такое, глобальный такой пиф-паф, то каждый может подумать: «Ну, вроде не грохочет пока». И так все и думают.

Надя кивнула.

– Мы коллаборационисты?

– Что? – не понял он.

– Все мы. Ну, обычные, не стяжники. По-твоему, мы коллаборационисты? Сотрудничаем со злом.

Надя выстрелила окурком перед собой. Окурок, как цирковой эквилибрист, резво кувыркаясь, выскочил под ночной купол и вдруг, споткнувшись, теряя кураж, штопором по-

шёл вниз. Долетел до земли, дёрнулся, погас. Какое-то время Надя сидела молча, рассматривала испачканные алой краской подушечки пальцев, царапины от колючей проволоки на предплечьях. Заметила ржавчину на сгибе локтя, поплевала, растёрла.

Докурив, Фима вслед за Надей пульнул окурком. Сидел, легонько покачивая ногами над пятиэтажной пропастью, молчал. Было очень уютно сидеть вот так, разглядывая то жёлто-синюю физиономию луны, то угловатый абрис Солнечного, беззащитно распростершегося под ними, и молчать.

Ну да, вся Надина ершистость – всего лишь защитная оболочка. Разные они, но с ней почему-то спокойно. Надёжно. Жаль, блукает она бессмысленно, вот что. Весь этот её Интернет... суперлидер... рекорд посещаемости... Не желает она строить жизнь свою здесь, снаружи. Понимает, что негде. Наверняка и сам заблудился бы. Если б не Стяг, если бы не увидел своими глазами, как много в этих дымящихся руинах живых людей, его сверстников... Жаль, не все они оказались готовы пойти до конца. Пока – не все.

– Мне уже написали из «Медиа-Пресс», хотят встретиться.

– Что говоришь?

– Из «Медиа-Пресс» написали, вчера, встретиться хотят. Предложат, наверное, мой блог книжкой издать. Мне аж не верится. Дрожь такая внутри.

– Всё. Пошли, – Фима поднялся на ноги. – Пора.

* * *

Пробираясь оврагом, нацепляли репья. Чуть не попались. И главное, вышли уже из посёлка, на трассу выбрались. Было бы обидно. Не заметили опять «бобик» ментовский. Корабль-призрак какой-то, а не «бобик». А может, это другой наряд был. Менты проезжали по трассе и вдруг остановились, окликнули. Разделительная полоса выручила: поленились менты за ними бежать, а в разделительной разрыва поблизости не было.

Спрятавшись за угол трактира, счистили с одежды репейник. У трактира останавливались проходящие на Любореченск автобусы, можно было попроситься.

– Давай посидим? – предложила Надя.

Фима согласно кивнул.

Они поднялись на крыльцо.

Прокуренное до прогорклой горечи, оглушённое работающим из-под потолка телевизором пространство. Несколько проголодавшихся пассажиров с междугородного суетливо лапали привязанную к колонне книжку меню, выбирали блюда. Трактирщик-армянин в грязном белом халате, протирая стол, бросил на вошедших короткий, ничего не выражавший взгляд и так же коротко глянул в открытую заднюю дверь на тлеющие «габариты» «Скании».

– О, миленько, – сказала Надя. – Непременно нужно будет здесь снять.

Усталые ночные люди сосредоточенно колдовали над тарелками. Чем-то неуловимым, как близкие родственники, похожие друг на дружку дальнобойщики. Поужинают и уйдут в свои пыльные кабины на недолгий ночлег-обморок. И знать не узнают, что ночевали они у посёлка Новый Армагеддон. Что двое, давшие посёлку новое, последнее это имя, были тут с ними, разглядывали их, может быть, ловили тайком в стеклянный глаз видеокамеры. Утром кто-то из припозднившихся, выруливая на ожившую утреннюю трассу, заметит надпись над крышами коттеджей. И, не подумав ничего, как этот трактирщик, привычно зыркающий на входящих, шофёр надавит на педаль газа, встроится в общий поток и покатится дальше в свой пункт Б под мужественные всхлипы шансона.

Страна неприкаянных дальнобойщиков. Катятся без оглядки по оплаченному маршруту.

– Может, перекусим? – спросила Надя. – Ты как?

– Нет, не хочу. Ты поешь, если хочешь.

– Денег нет? – догадалась она. – Тю! Брось ломаться. Я угощаю. Страсть как люблю угощать. Это от мамы.

Запнулась.

– Нет, Надь... я не...

– Ой! Иди лучше садись.

Пошла в глубь помещения, прямиком к двери кухни.

– Нам бы что-нибудь вкусненькое, – услышал Фима. – Чтобы не ждать.

Фима огляделся.

Нужно сесть к окну, решил он, будет видно подъезжающие машины, и менты, если сунутся сюда, не успеют застать их врасплох – можно будет выйти через сквозной проход мимо кухни и туалетов на задний двор, куда подъезжают транзитные автобусы.

Он сел за свободный столик в центре зала. Снаружи перед трактиром стояли две припаркованные «семёрки». Слабый ветерок вяло потрошил мусорный жбан с надписью «Чистый город», забрасывая площадку перед трактиром обрывками газет, пакетами, пластиковыми стаканами.

За соседним столиком в пол-оборота к Ефиму сидел небритый толстячок. Доедал булку с чаем. Плечи задраны, локти водружены чуть не на середину стола, будто собрались сойтись в поединке армрестлинга. Мужичок поднял голову, стёр застрявшие в щетине крошки и упёрся взглядом Фиме в грудь. Фима покосился вниз и увидел, что цепочка с жетоном и крестиком выскочили у него поверх футболки. Их-то мужичок и разглядывал. Собрав цепочку в пригоршню, Фима сунул её под футболку.

Их взгляды встретились.

«Знает, откуда я, – подумал Фима. – Уставился как баран на новые ворота. Из недовольных, что ли?»

Человек уложил остаток булки в рот и откинулся на спин-

ку стула. Оживился весь: натянул брови на лоб, дёрнул в сторону Фимы указательным пальцем. Явно собирался что-то сказать. Дожевал, сказал:

– Из «Казачка»?

Суетливо как-то улыбнулся – показать, видимо, что настроен-то он дружелюбно, просто немного мрачен и вот слегка небрит.

– Из Владычного Стяга, – спокойно ответил Фима.

– Ну да, ну да, – промямлил тот, вставая. – Как же, Армагеддон на дворе. Знаем, знаем.

Подошёл, сел за столик Фимы.

– У вас там разве не режим? Поздно ты что-то.

Надя, привалившись плечом к дверному косяку, всё ещё стояла возле кухни. Трактирщик, закончивший протирать столы, подошёл к ней, на ходу вытряхнув из тряпки крошки.

Выдержав паузу, достаточную для того, чтобы подсевший к нему человек верно прочувствовал ситуацию: сам лезешь, на себя и пеняй, если что, – Фима сказал:

– Ты, главное, лишнего не взболтни. Невежливо начал.

Снова нашёл Надю глазами. Трактирщик исчез. Теперь, повернувшись в сторону зала, Надя снимала на камеру. Кто-то из шофёров, заметив это, кокетливо махал ей лапой, кто-то равнодушно отворачивался. Повернулся к своему незваному собеседнику:

– Слушаю.

Мужчина заметно повеселел.

– М-да... С места в карьер. Так ты вроде это... должен возлюбить ближнего... или я не тяну на ближнего?

Не разрывая губ, он расплылся в широкой улыбке, мохнатыми персиками округлившей его щёки.

Некстати. Такие клоуны специально караулят, что ли, – чтобы в самый неподходящий момент? Вот что сейчас с ним делать?

Негласный устав Стяга предписывал не давать спуску никому, кто неуважительно отзывается о Стяге, Церкви или России. А этот как раз на грани.

– Ты решил дободаться, ближний? Стоит ли?

Улыбка пропала с лица толстячка, лицо приняло обиженное выражение. Отвернувшись, он опёрся руками о бёдра.

– Эх ты, – сказал он с неожиданной экспрессией. – «Дободаться»... Это ещё кто к кому...

Прервался на полуслове, перевёл взгляд Фиме за спину.

– Менты, – выдохнула Надя в самое ухо. – С той стороны, в автобусе пассажиров проверяют.

Слушая Надю, Фима не отрывал взгляда от помрачневшей, всё ещё наэлектризованной недоговорённой фразой физиономии. Подтянул под себя ноги, чтобы сразу вскочить, если понадобится. Левую руку положил на стол – удобно будет боковой в челюсть ввернуть.

– Что ж, Надюш, – сказал Фима негромко. – Дома поедим.

Толстячок встал, вздохнул негромко: «Эхе-хе» – и пошёл в сторону главного выхода.

Поднялся и Фима. Посмотрел в окно: никого. Крыши припаркованных «семёрок», мусорный жбан, за ним выбеленный луной лоскут трассы. Неторопливо, чтобы не привлекать внимания, двинулись вслед за грузной и коренастой, но на удивление стремительной фигурой. Казалось – сейчас лбом протаранит дверь, но мужичок проворно её открыл, скользнул на крыльцо и закрыл за собой быстро и бесшумно.

– Кто это? – спросила Надя.

– Да, – Фима скривился как от кислого, – какой-то раненый. Из местных, что ли. Подсел.

Когда Надя с Фимой вышли, человек подходил к микроавтобусу, стоявшему поодаль от трактира, возле самой трассы.

– Му-у-жчи-и-на, – нараспев, себе под нос проговорила Надя.

Тут же заявила:

– Он нас подвезёт, – и бросилась к микроавтобусу: – Мужчина!

Фима попробовал поймать её за руку:

– Стой ты!

Надя остановилась, вопросительно глядя на Фиму.

– Надь, да ну его. Сами как-нибудь.

– Фима, ты же совершенно не разбираешься в людях, – зашипела она. – Я твоего раненого засняла крупным планом. Не знаю, что он тебе наговорил, но он хороший. Стопудово.

Убежала к микроавтобусу.

Ничего не оставалось, как поспешить за ней следом. Тем более, решил Фима, мужик всё равно откажет. Лишь бы не нагрубил.

– Я домой еду, в Солнечный, – бурчал «раненый», когда Фима подошёл. – Максимум могу вас до автовокзала подбросить.

– Вот и отлично, – сказала Надя. – Просто идеально.

То есть как – «идеально»?! Фима даже хохотнул тихонько. Вернуться в Солнечный? «А, делай как хочешь», – решил.

Уселись на передние сиденья. Тесновато. Фима с краю.

– Костя Крицын, – представился человек, глядя перед собой. – А вас, молодые люди, как величать?

– Нас величать Надей и Фимой, – за двоих ответила Надя.

Весело ей. Затащила – неизвестно ещё, как всё обернётся с этим солнечногорцем. Наверняка будет сейчас грузить, придётся как-то реагировать.

Микроавтобус разогнался, низко порывивая двигателем. В свете фар белой ниткой по асфальту застрочила дорожная разметка. Далеко в темноте по невидимому бугорку ползли светлячки: там новенькая эстакада, выводящая на федеральную трассу. Сейчас бы туда, к эстакаде. Заложить, не снижая скорости, вираж и – в Москву, в столицу, – туда, где решается всё, туда, откуда растекается по земле русская жизнь.

Они свернут к Солнечному возле газотурбинной станции.

Этот Костя Крицын, почувствовал вдруг Фима, хоть и звучит его имя с каким-то оружейным скрежетом, и в самом де-

ле неопасен. Настроен враждебно, да. Но неопасен. Обрюзг душой, как все они, творцы потребительского бума. Дурацкое радио с шутками, отловленными в трусах, дурацкие липкие кожаные сиденья.

– Да, липнет, – сказал Костя. – Чехлы нужны. Так-то убойно смотрится, но липнет.

Поняв, что знает про Костю главное, Фима уткнулся в окно: дальше неинтересно.

За приспущенным стеклом чёрным атласным знаменем, расписанным то частоколом деревьев, то ромбами пшеничных полей, трепетала летняя ночь. Светлячки фар вдалеке погасли. Исчезла, как и не было, эстакада. Одна тут дорога – в Солнечный, налево от газотурбинки.

– А вы так поздно, – Надя, кажется, пыталась его разговорить.

– А вы? – отозвался Костя.

– Мы тоже. Припозднились. По делам вот ездили, ночь застала.

– Вот-вот, я тоже по делам. В Любореченск мотался, на малярку, – усмехнувшись чему-то, сказал Костя. – Прождал до ночи, пока краску везли, а там цвета подходящего не оказалось. Зря обнадёжили, дармоеды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.